

ПОЭЗИЯ

Сергей Магид

стаж высокосного года

ноябрь '83 - ноябрь '84

Из цикла: "Ниже уровня воздуха"

в проруби года
мертвый рыбьи странный
доминант лед - основание для
судьба - парашюта
но апрельской замороженной зате
между трех берегов
где горизонт вертикален
кристаллики мозга дробятся
делаются

вечная жизнь
сведена до ударов в минуту:
семьдесят два

остальное
приблизительно

вздох польский
легкий снегок или ночь
в лапах собачьих в дыму
напряжение - собранность льда
натяжение малечух
гниловатых

зигзаг
неуклюжий и стремителен
прост и увеселен

воздух вихрят в хадень
перелив и залами
в капсулы звезд
вдыхаем пространство

холод

неорганический хлам

катышки пара - хлебный мякин тени:
время выдоха время свидетельств
ниже ребра

... под ребром
вниз и правее
мягкая боль
учтиво
напоминает о рибе
вспотанной в снег
утром
во время бегства

/

в разных кварталах
небо иссеч на одной ноте черной воинкой
в узком победной трубе проспекта
и снег

... вспугнутый ветром
заметан изофренической пилью
над
настериаком за гвард.кап.
настериаком за ка-гвард.хант.
настериаком за ка гвард.рад.
предприятия
коммунально-бытового обихода.

о флангов
чесменская церковь
где пионеры злорадно смеются
над темущим турком
в красном ночном колпаке
на гастро-
гастро-валенник
где ветераны немецкой кампании гибнут
в борьбе с циррозом
... в тиху
забегаловка "Мир"

по фронту
общага
где безнадежно спасенные дети
зачинают бодрить
с первого тисканья
и еще до похмелья
по центнеру за ночь
мисс надежды
для последней войны
утром
над пастернаками
гулью с детской коляской
дочь спит чмокая соску
не зная
что сразу под ней
такой спящей такой теплой
потомки маккавеев
и шолом-алеихемов
зрут воскресения
для решительной схватки
с мировым сионизмом
дочь спит чмокая соску
не зная
что сразу под ней
такой спящей такой теплой
потомки маккавеев
и шолом-алеихемов
не сомневается
что над ними
воскресенье двадцать второго числа
утро
дядя служит в лефортово
столец еще освобожденной Литве
и от тайги до британских морей
и миры хиди

дочь спит ческая сессу
не знал
что сразу под ней
такой сияющей такой теплой
потомки маккавеев
и пахом-алейхимов
вечно уверены
что над ними
вечное воскресенье
последний
мы еще спим
мужская ладонь на женской
и радионишур
выдернут
из розетки

/

он умер в 9 вечера в среду
лежа на спине
захоронен —
мать сидела спиной к нему
смотря телевизор
в пятницу
его зарыл экскаватор
на одном кладбище днем
в субботу
меня посетил марксист
перешедший в марксизмство
ми
естественное
говорили о вечном
высоком
чистом
о ценности человеческой жизни
с точкой зрения —
маркуза и маркса

в воскресенье
я открыл ученическую тетрадь
исписанную покоянью:
трактат о бомбах -
в нем
естественно
говорилось о временном
секундном
излом -
об искусстве выраживать мелочь
у проходящих марксистов
и марксистов -
когда не хватает -
на исходный стопарь
перед закрытием
так -
ми разделили обязанности
в эпоху маркузе и маркса

Из цикла: "Чествование путнику"

дем как орнамент кирпичи в корявую глину
здесь в подземелье.
где горизонта
не видят глаза
научившись видеть
и травы
так теплы и пахучи что жизнь кажется вечной
что сказать тебе о жалованье жизни
если судьбы протянулась лишь
солнечная
и смыть
ее невозможна водой акселя и гипнозом
дем это место где умираешь
у распахнутого окна
и разина.

вирезана в глазу на голубом картоне удумья
кирлично-красная как стена
последнего храма

даже если в районной больнице
ночь
в реанимации ..
уже потеряв память

/ . . .
слова громоздки
пальцы труб жирны
семенобивы . .

. . . снег
под гарью цитат..
одежда пропитана

испареными смыслов
час или вместо времени
воздух . . .

упирается в лекарь

мир не враждебен..
это не надо спасать
трава и тень желтие лохмытья заката
силеневая река под мостом
вещи прости . . .
их надо согреть узнаванием
бесстрашном
в точке доверья
химает в пальцы невидимый гул
Улас несъяснимого
жавина мельчайших дроблений
речь которую не схватить
никаким синтаксисом..
не спрашивай куда растет вселенная
не спрашивай где ее корни
если хочешь понять
покажи разум на полку
рядом с жалтенцем гоголем

мир вейдет в позвоночник
станет старцем любви
основой терпения
жизнь

/
наставление путнику

Иди свой страх, —
корни его как сына,
расти его заботливо, как розу,
не говори, что ты его не знаешь
не отрекайся от его судьбы,
и в пытии зла,
— в камун песчаной бури,
когда Бахад —
— вейдет над горизонтом,
когда Змея отравят все жаждцы,
Аллах устанет
сторожить пустыню,
молитви задыхнутся и в пыли
безглавый взгляд — —
убийца Авраама
распустится,
тогда ему навстречу
в один цветок распустится
твой страх
холодным мужеством.

Абдаллах ибн Шарх аль Банд

/1126 г./

1

свежее тесто к утру поднялось
до подоконника
— изукрашенное тонким художником
мальчик в золотистых штанах

миловах герань

ноги переставляя
как женщина после родов

и и
запавеску задернула

какое-то лето
вспомнилось

под головой беготня
муравьиных щекоток
пока-зудела от трав
сосновых распирала от заноз
от ночных неведений желаний

от духоты
и вылез наружу

стек по лестнице вниз
помочился на плач комариний
в нечную пустыню

лоб-был влажен
пот катился по ребрам

и еще -
но это прошло

в раннем тумане
оставив странную злость пустоту
желанье ворти

известком
испал в позвонок
я отодвинулся
два немых позвончика

в узком пространстве утра
безглазые взгляды лепаток
выжимые руки
угол плеча

рассеянный родник под завитками
она дышала спокойно

ноя был холедном

жилья колонн
входит в корявый асфальт
земля раздвигается

город
внушая в податливый мир
мускулистик и влажных ступеней
каждое лето —
трава поднимается к окнам
сирени

пещется в небе мансард
и табак перемежан
с тяжелым цветком темноты
коридоры

пустые аллеи
послужных сумерек

ночь
дышит как женщина ночь
веки прикрыты
разметавшись по улицам

ветви
пальцев волос

молчаливо-воздушные
тени

неувязавшие
простая халба звона

кох скольки практикай

случайного
занесенного ветром икнет по дворам
поделум стирал

и канельки поза
в подмыших распахнутых
отекают все медленной реке
вдохнай на ребрах

он спросил меня что это значит
изукрашь вот так

ягодщи
перекашан кока.

сосок под ладонью
пах
желеобразная шоть
становится поводом
для сонетов к лауре
и не знал что ответить

сторож

как небо сияется
невидимый за стволами
сияющих усталых деревьев
мы сидели на бревнах
курили жестокий табак
смотрели
прямо перед собой
река
густела у берега
спадая в провал
за чертой скучного зренья
что мы знали об этой воде
кроме молекул и химии
да

я сказал
но это только начало
меньше чем. только начало
меньше всего

что лежит
в пространстве реки
меньше всего
ничто
с примесью страха
если ты разделяешь себя
и вот этот песок

песок

взверомки пальцы
он собрал его в горсть
ссыпая с ладони в речное диканье

и безглавая ночь—
проснулась обняла его мягко
он встал

— завтра
в одиннадцать

сторож
спускается легчайшей походкой на берег
раздинает затененные пальцы
что-то плеснуло

я отвернулся
мы побрали по песку

в одиннадцать

утром
я сидел на бревнах один
ее

все в пятнах мазутных
приблизил к рваному краю
грязного берега.

в воду вошла
я выловил промокшую книгу

сонеты — —

заглавье
страницы пусты
между ними
мокрый набухший
песок

3

как распадается кровоточащая бокья пластина
отделяющая зренье от древних окаменелостей строки
человека от нечеловеческой пыли
от безглаво-изглода бессловесноязычных созданий
мы видим на расстоянии жизни и только
так он писал

под колпаком полуночной ламки

трактат о трех превращениях духа
на пути
от двух хромосом разделенных
через страданье телесной души
к бесстрастии хапли
в склоне покоя

за спиной
в колыбели
новорожденный
Начинал восхождение по лестнице ангело-
борца
и он начертал
новорожденный чист
не знает судьбы ничего не боится и звезды
ближе ему чем мать спящая рядом

он написал .

сточь воздух вода землю
облако над тибетским нагорьем и ручьи перепаха
рыбы и пастбища под высоким и вечным ветром
шамарини
видарблон

кириллический

передник
луга мохи
сормотуха тяжелый хайф
ящики
снег скомкан
поддать
тероплиней чем трахнуть
хми баду вильтман

бабки

житуху

терчок

каусту считай

бугор
на халву надрался

по новой
надруха твой с кентами

и пряталася

все пытались

лем суходрочка

жизнь это стебль

язык

дерки за зубами

язык

он писал пригнувшись
колпак еретический леммы одев небокрень
это стихия первоосновы элементов бытийственных мы
духовные твари должны обращать его вовне
построяв вселенную символы жизни любви безъязыкай
и потому без угла на оккультенной но безликой земле
бесшумно

явление сторожа

вскрикнул ребячок

головной заерзах
вскочила жена в заспанных пятнах
румяница

он

подсажел к колыбели

младенец смеялся
глаза веселились писали
выпростав ручки

из пакеточных пут
они тянулся к ночному окоу
где осенительный глаз лунной ночи
искосился как зеркало

девичного мира
превращений чудес

и опустился покой
отпустило дитя

спустяло

время заботы и долга

отступив

за письменный стол
вскрикнул

трактатосоздатель
бумага
невинной хина белизной
сохраняя
два слова
любви безъязыкой
на буквах
горсть сухого песка

/

а зечером
после всего
и после всего остального
и прочего
расстояньем
в один
спасибо бесконечный ливанный надежды веры любви
и подавно сефии
день

в подушку
лицом
и слушать и слушать как кровь
шуршит у виска
о твоих движеньях и смехе
о бедрах
о маленьких чистых грудях
о запахе кожи
о молчанье вдвоем
над вязальем и книгой
когда один говорил послушай
и другой поднимал лицо
не напрягалась
и двое хиных слушали такую речь
третьего
мертвого
сказанного на чуком языке
вечность назад

разве счастье не в том
чтобы слушать как мчится будильник
в тишине складанья
где только листу бумаги
и можно сказать
послушай
здесь и сейчас

/

не хочется говорить бог
отбодине. молоточки цикад втрызаются в сумерки
теплые как твои ладони у меня на глазах

не хочется говорить любовь
газетную рвань яичковатый ветер
шныает по пустым переулкам

не хочется говорить жизнь
окно распахнуто настежь на восьмом этаже
толпа головами в круг мочит глазей

не хочется говорить смерть
в институте переливания крови обжигают кроликов
каждый день
пробуя на выживание а мы никак не приживут
и только раз еще ..

дай мне господи
испытать любовь
единственной в жизни женщины
чтобы смерть
когда встретимся
привела меня
в ярость

Из цикла: "остановка на острове"

между морским собором и маринкой
в августе 84 года
остановиться да и мне остановиться
на одну остановку пятидесятки
уверти времени
пригнанье как чертик из табакерки
от бессонницы к бессоннице
у залива
где воруют железо
где белые варяжкоостровские бани
шлако слепленные
торопливо замазанные
никогда не достигнут неба
но все глубже будут внедряться
в болотную землю
нова леди
не станут золотыми отсъеками
с запахом аммиака и спирта

37 лет ..
цифра на цифре
слов на доннике
ходишь со ржавым чайником ..
по всем первоэтажным хищам
где толстые худые разведенныи женщины
смотрят с приступом ..
то ли будешь набирать воду
то ли наброситься
то ли те и другое
веневитинов с философской кириной
бенедиктов с потрясенном стиля
вяземский с запасной книжкой

но такой ветер -

что конка пригает с грекочужего карниза
чтобы убраться под тавровую банку
издание хланилось
остань зем

снаружи -

вся русская словесность и ветер
морской собор мариника
пятидесятый автобус идет по кругу

/
может быть в чем-то главном
он и был уверен

нева однажды в метро
не взглянула на свои руки
зашившиеся в портфель
потому что боль в животе стала

и вот

это руки старика
у которого ничего нет
кроме портфеля
с чужими книгами

/
как перадостям реки
как размодуши деревья
в яичной выставке классицизма
у себя за спиной
в импире

в имперских декораций
и третьярским подобьям -
весенними или пустоглавик
орнаменту азартских побег
на торжественно подрумяненном с запада
с тухой коммунахой внутри
излияние

чухонцами прочиханного сконца
где вместо бычьего пузыри
мутноватый сток
в недосыпаемые и подиесь
гансейские зуиди

как спокойны как равнодушны деревья
к нашей жалеющей жизни
к гостинодворскому просвященному рягу
к торговле макухахурным романом
на бульваре у дома торговли
к домам на песке
к собственным листьям плавущим
но нерадостной злкой водице
мимо случайнчик музеев

и непременностных гауптвахт
по-исковно российской реке
владавшей в сосме-лахт

Из цикла: "пост в пустыне".

Но Дант у нас в крови,
и черствое сранье
мы инет кадик степним-веротником -
на флерентийский лад настроенное пенье
свистит воронежским шаглом.

Корявые снега, источенные влагой,
давно впитались в черноземный пласт...
весенней слякотью, перебордившей брагой
похищая зимнего, когда железной флагой
нам губи холода ямварский наст.

Пригубленное Средиземноморье
не выпито, не черпанное впрок,
оставшееся между кавогуди
в средневековом суховатом взоре,

и синкое кочующее море.
в глазах, чья вмглеснута нерская вода.

Как склонстнти, как сражни преданъя,
как ѿдвинуты краями голосов
в костяшки пальцев, в позвонки обратанъя
кризак веть вины,

кривая веть сознанъя,
растущие уже поверх голов.

Нет, не затвержна ни исповедь житейства,
ни в детях лха, и жити и сном
не встала жизнь, но окружила дом
прозрачной музыкой танцующего действия
земли и воздуха за дождевым окном.

Бедствовать, бедовать беду, бедачить
но-бедунски, в беготне бездомья,
в слезы двери тыканьем ценячить,
терявшись в кварталах пустокровья,
не полно ли, жена? Не привнкать ни
привла пора к податливости пресной,
к дыре воскресной, к будням без распятья,
к тщете конечной и тщательности тесной.

Уходит в вечер день как пиво в пено,
и сад, садиций в памяти, не исходит,
и садиции в гороховую стену
стали стыдом и достояньем доли.

И что в конце концов нам остается
как не пуститься в годы и ночи,
в вечерние сухие поцелуи,

которым дела нет
когда и как порастя
жизнь в городе и память в чаловеке.

Но бедствовать, но бедовать беду, бедачить
по бедунски, в беготне бедомья,
страшнее ли, чем месла ремесло,
катящего сыр.,

но жизнь перекопать
не время ли пришло,
как прусадебные земляные комья.

Да мы и вправду при усадьбе божьей,
в амбаре звездами наполненного неба
на все его бессмертье, и исходя
вот эта грань земли на край дневного хлеба
на голубой клемнике.

Муж, спомнись!
Есть руки наши, рукописи, реки
в пылающем городе. И всей Вселенной спомни
как вечный дар хранится в человеке

для говора, для гостя, для гряды
картофельной, и для поры биречья,
чтобы сады наши в памяти сады
не выраженных мыслей человечьих.

/
Богов без счета, гонок во дворе,
Барду-кузни Тамкуза, и в поддик
Сенюса имели на харе
египетской, пока он не затих.

А после съели вяленое тело,
Анду в жертву бабу принесли
орфееву, за то, что не пускала
ступить за мужем на порог земли.

Напился Вакх, Гермес проворовался,
Цан снова скотоложеством занялся,
и нимфу соседил несущий Аполлон,
и нему как к науку понаводу в водон.

Ах, что за малуши пальчные эти боги,
дворовая шапка у Бога на пороге,
мальчишки, девки, разгульный-орда,
порой веселые, жестокие всегда.

Зачем нас мучили быть-человеки,
создав по образу и смыслу своему,
пустив без фонаря в начальскую тьму,
без сердца и любви погибшим навеки.

Не для того ли, чтоб, мрамор обтесав,
стремя за грань лица-мускулатуру, —
шуночек выскерлив и грудь отшлифовав,
Венеру нам явить,

и лишь потом Леуру.

/

Линь весенних стволов
словно не те, исчезло
что-то в природе, какой-то тайный поток,
вот и волхви
поднимаются со стариковского кресла
постоять у порога, глядячи на восток.

Хозяин где-то замешкался,
джинноумный и коротконогий, —
спутников трята, как листья на кухне вочан,
камень растрескался,
идут возвращения боги,
зени, их женки, старый колчан.

Снова пророки идут плясать на разинку,
дудки пастушки, —
коэзлиные икури, газы,
гленом повитые, гимна идут гимну,
глядя как в душу ...
в живое свои небеса.

Темно в истории, темно, бесповоротно,
что ни случится, ни произойдет,
трянется звенья —
и превратится в заботный
ищемый, осень
уже доедающий год.

Братья-посельщики
в деревянном краю сторожейком,
сидем, по кругу молчанья чашу пустив,
слов корабельщики,
снов колыбельщики, вильем напиток ничейний,
всехний напиток, губы не смочив.

oooooooooooo

oooooooooooo